

Ксения Моржикова

Чингиз Абдуллаев
Тверской бульвар

«PEN-клуб»

2006

Абдуллаев Ч. А.

Тверской бульвар / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
2006 — (Ксения Моржикова)

Она – всего лишь скромная сотрудница адвокатской конторы... а по совместительству – гениальный детектив-любитель! Так думают все ее знакомые, и однажды собственная кузина звонит ей, умоляя помочь в огромной беде... Бесследно исчез сын известного ученого. Похищение? Однако похитители почему-то не требуют выкупа... Смерть от рук маньяка-убийцы? Но тело так и не найдено... Просто побег подростка, возмечтавшего о приключениях? Тихий, талантливый мальчик никогда и не помышлял о самостоятельности... Что же случилось? Все больше вопросов. Все меньше ответов. И похоже, истину установить будет очень непросто!

© Абдуллаев Ч. А., 2006

© PEN-клуб, 2006

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Чингиз Абдуллаев

Тверской бульвар

*Посвящается моей дорогой маме, чья мудрость помогает мне
жить*

*И ничему не суждено забыться:
Господь хранит и руды и отходы,
Держа в предвечной памяти провидца
И прошлые и будущие годы.
Все двойники, которых по дороге
Меж утреннею тьмою и ночью
Ты в зеркале оставил за спиною
И что еще оставишь, выйдут сроки, —
Все есть и пребывает неизменно
В кристалле этой памяти – Вселенной:
Сливаются и вновь дробятся грани
Стены, прохода, спуска и подъема.
Но только за чертою окоема
Предстанут архетипы и блистанья.*

Хорхе Луис Борхес «Извечность»

*Иногда я полагаю, что не следует растить детей – это самое
ненадежное дело на свете, ибо удача достигается ценой большой борьбы
и забот, а в случае неудачи наши страдания ни с чем не сравнимы.
Демокрит*

Глава 1

Я много думала, прежде чем решиться опубликовать эти записки. До сих пор не уверена, что поступаю правильно. Но с другой стороны, иногда необходимо, чтобы такие факты становились достоянием гласности. Ненавижу это слово «гласность». Напоминает конец восьмидесятых годов и общую атмосферу полного раздора тех лет. Авообще рассказывать об этой истории довольно неприятно. Хотя бы потому, что я прошла через такие испытания, через которые обычно не проходят нормальные женщины. Вот написала эти слова и подчеркнула их несколько раз. Где вы видели «нормальных женщин»? У каждой из нас тысяча своих проблем, свои болячки, внутренние болезни, раздоры в семье, неудачные мужья, непослушные дети, сложности на работе, в общем, все как у среднестатистических женщин, которых огромное число в нашей стране. И все мы похожи друг на друга. Своими несчастьями. Перефразируя великого классика, можно сказать, что счастливых – почти не осталось, а несчастных семей – каждая первая. И все действительно несчастливы по-своему.

Я – Ксения Моржикова. Мне уже тридцать девять лет. Говорят, что в этом возрасте женщины умнеют. Не знаю, как другие, но я этого не чувствую. Во мне все еще живет двадцатилетняя девочка, так любившая помечтать о будущей жизни. Сейчас даже смешно вспомнить. В школе я была пионеркой, в институте – секретарем комсомольской организации. И в каком институте! Я ведь закончила МГИМО, а там просто так секретарем комсомольской организации не выбирали. Но это было давно, очень давно, в другую эпоху. Я поступила в институт в

семнадцать лет, как раз в середине восьмидесятых, во времена «позднего застоя». А закончила – в самый разгар перестройки, уже к тому моменту, когда моя большая Родина начала разваливаться на куски. Вы помните, какие страсти тогда кипели? Первый съезд народных депутатов. Вся страна прильнула к телевизорам. У нас на выпускных экзаменах говорили о политике и политиках больше, чем о предстоящем распределении. Как мы ими тогда восхищались! Гордились. Ельцин, Собчак, Попов... Какие люди! И неизвестный нам юрист из провинции, отдавший свое место в Верховном Совете Ельцину. Забыла его фамилию, но это не так важно. Он потом стал прокурором России, тогда, правда, выяснилось, что у него мышление и речь пятилетнего ребенка. Хорошо еще, что и совесть у него тоже была пятилетнего ребенка и он оказался честным человеком. У остальных была совесть проституток на пенсии, много повидавших и превратившихся в циников, но это так, к слову. Мы тогда все были увлечены политикой, и политики были нашими кумирами.

Потом все изменилось и начало разваливаться. Не стало ни съездов, ни народных депутатов, ни страны, которую они представляли, ни комсомола, в котором я состояла. Ну в общем, все изменилось. Я закончила институт, вышла замуж и родила Сашу. И через несколько лет развелась с мужем. Мне тогда еще повезло. Я устроилась на работу к Марку Борисовичу Розенталю, и все перипетии «дикого капитализма» пошли мне только на пользу.

Клиентов у Розенталя было более чем достаточно. А я постепенно становилась его правой рукой. К сегодняшнему дню у меня зарплата уже более трех тысяч долларов в месяц, что для молодой женщины моего возраста совсем неплохо. Написала «молодой» и сразу подумала, что кокетничаю. Молодая кобыла в тридцать девять лет. Ну не скажите. Я действительно чувствую себя молодой, стараюсь за собой следить, к пластической хирургии пока не прибегала. И вообще выгляжу очень даже неплохо, в отличие от многих моих сверстниц. Не знаю, что буду делать через несколько лет. Наверное, тоже лягу под нож хирурга. При одной мысли об этом становится страшно. Перетянут кожу так, что не смогу улыбаться, закрывать глаза и вообще разговаривать. Какой ужас! Но неприятности нужно переживать по мере их поступления. Пока под нож мне еще рановато.

Эта история началась в тот день, когда мне позвонила моя двоюродная сестра Нина. Она старше меня на два с половиной года, и мы с ней очень дружим. Убитым голосом она попросила меня к ней приехать. Я сразу собралась, зная, какая Нина паникерша. У нее прекрасный муж и трое взрослых детей, но она боится всего на свете. Муж работает в Академии наук, он директор какого-то жутко секретного института, о котором даже нельзя говорить. Очень прилично зарабатывает. Взрослый сын у них учится в Лондоне, дочь поступила в консерваторию, младший заканчивает школу. Прекрасная семья, хороший дом, сама Нина работает в Московском комитете по строительству, она архитектор по образованию, и говорят, что очень неплохой специалист. Но несмотря на все свои успехи, Нина ужасная паникерша. Любой сбой у нее сразу же вызывает истерику. Наверное, характер такой пугливый. А может, все определилось еще до рождения. У меня, например, неприлично мужской характер и какое-то дурацкое, тоже чисто мужское чувство справедливости. И немного упрямства. А ей достались «женские черты» – истеричность, неуверенность в себе, непонятные фобии. После всех этих самолетных аварий она не решается летать и ездит к сыну в Лондон на поезде. Можете себе представить? Из Москвы в Варшаву, потом в Берлин, дальше в Брюссель и в Лондон по тоннелю. А когда мальчик летит в Москву, она просто сходит с ума, и эти несколько часов становятся самыми страшными в ее жизни. И мне приходится отпрашиваться у Розенталя, сидеть у Нины, пытаться ее успокоить. Мама все время говорит, что я должна была родиться мальчиком, а Нина с детства была плаксой и пугливой девочкой. Что не помешало ей очень удачно выйти замуж. Ее будущий муж тогда был только аспирантом, но она сумела углядеть в нем нужные черты лидера. А он, в свою очередь, сумел что-то углядеть в ней. Ну почему я такая стерва? Ведь это несправедливо. Нина прекрасная мать, изумительная хозяйка. У нее дома всегда все блесит,

несмотря на то что она работает. И конечно, Нина безумно любит своего мужа и своих детей. Есть такие женщины, которые умеют растворяться в семье. На них словно поставили печать «только в одни руки». Вот они и живут, имея одного мужа, одну семью, детей, внуков. Я так не смогла бы – ничего в жизни не увидеть, довольствуясь только одним мужчиной... Об этом, по-моему, даже страшно подумать. А с другой стороны... Уменя их было несколько. Разных. И двое мужей. Но скажу честно: лучше бы такого опыта у меня не было. Мне он особой радости не принес. Может, более правильно – одного и на всю жизнь? Но так бывает только в сказках. Или у таких, как Нина.

Вообще-то я фаталистка. Все приходит и уходит в нужное время. И насчет самолетов тоже беспокоиться не стоит. Ничего не случится, если не должно случиться. А если должно, то обязательно произойдет и вы от этого не спрячетесь. И я считаю, что заранее паниковать тем более не нужно. Хотя когда мой Саша в прошлом году летал в Берлин, я все равно волновалась, пусть и не так, как моя кузина, но звонила ему каждый день. Впоследнее время самолеты падают слишком часто, и число подобных «случайностей» уже бьет даже мой фатализм.

В общем, я приехала к Нине на Смоленский бульвар. У них большая шестикомнатная квартира. Раньше была четырехкомнатная, но пять лет назад они купили квартиру соседей за стенкой и сделали шестикомнатную. Столовая, спальня, кабинет отца и три комнаты ребят. У каждого – своя, очень удобно. И еще два туалета и две ванные комнаты. В общем, прекрасная квартира. Говорят, что на ближайших выборах супруг Нины станет членом-корреспондентом Академии наук. Давно уже пора. Ему сорок восемь, он вальяжный и представительный мужчина с благородной проседью. Такие и должны быть академиками. Я ни разу в жизни не видела, чтобы он волновался или кричал. Всегда говорит спокойно, взвешивает каждое слово, не суетится. Словом, клад, а не муж. Хотя немного занудный. Иногда даже хочется его потрясти, чтобы в нем было больше человеческого, но это я так, к слову.

Мой второй муж Виктор тоже не холерик. Он скорее флегматик, смешанный с сангвиником. Учítывая, что я безумный холерик, Виктор для такой нервной особы почти идеальный муж. Меня можно завести с пол-оборота, его же почти невозможно заставить скандалить. И с моим сыном у него идеальные отношения. Только не говорите, что так не бывает. Иногда бывает. У Виктора был очень неудачный первый брак. Жена ему изменяла и все время скандалила. В общем, он считает, что ему очень повезло во втором браке. Я тоже так считаю. Хотя иногда ловлю себя на мысли, что в молодости мечтала о принце на белом коне. Принца не нашла, но хорошо, что мой второй муж хотя бы не конь. А то мы часто путаем – принимаем животное за человека. Лошадей много – нормальных мужиков почти не осталось. Вот мой Виктор – пример нормального мужика. Что очень неплохо. Видела я одного такого принца в Ницце. Лучше бы не видела. Аферист и мошенник. С принцами нам не по пути, это я тогда раз и навсегда поняла.

Нина сразу повела меня в кабинет к мужу, чтобы нас не услышали дети и ее домработница Лидия Сергеевна, изумительная женщина, которая работает у них в доме уже лет двадцать. Или еще больше? Нина чуть меньше меня ростом, у нее круглые глаза, маленький вздернутый носик. На щеках даже есть ямочки. Глаза у Нины светло-голубые, в отличие от моих, которые все время неуловимо меняются: то светло-карие, то начинают темнеть, когда я завожусь. Одним словом, мы совсем друг на друга не похожи, хотя кухни бывают очень похожи друг на друга. У нас отцы родные братья. Наверное, если бы были сестрами наши мамы, то мы больше походили бы друг на друга.

– У нас такие неприятности! – сообщила Нина трагическим голосом. – Я позвала тебя, чтобы посоветоваться. Просто не знаем, что нам делать.

Когда она так начинает, я понимаю, что нужно внимательно слушать. «У нас такие неприятности» может означать все что угодно. От сбежавшей кошки, которую сегодня никто не видел, до погибшего на даче куста роз – особой заботы ее супруга. Я изобразила внимание.

– У наших соседей, – продолжила Нина скорбным голосом, – два дня назад пропал сын. Ты можешь себе представить такой ужас? Они не знают, что делать. Такое несчастье!..

– Давай по порядку. У каких соседей?

– У наших, которые живут в соседнем подъезде. Ты их знаешь. Такие интеллигентные люди. Профессор Левчев и его супруга. Оба искусствоведы. Изумительная семья. Он – болгарин, она – осетинка. Ты их видела у нас в гостях в прошлом году, когда они приезжали к нам на дачу. Как раз на день рождения Павла.

– У вас на даче было человек пятьдесят гостей. Я всех не помню.

– Семьдесят, – ревниво поправила меня Нина, – а они сидели рядом с тобой, и ты еще с ним разговаривала о выставке Кандинского в Барселоне. Вспомнила?

– Да, – кивнула я, – очень милый и интеллигентный человек. Такой пожилой, в очках...

– Верно. Ему уже под шестьдесят, а супруге только сорок шесть. Это его второй брак. У них есть еще старшая дочь, но она живет сейчас в Нью-Йорке, кажется, заканчивает там какую-то школу искусств. И такое несчастье! Бедная Медея места себе не находит.

– Сколько лет мальчику?

– Почти шестнадцать, как твоему Саше. – Нина сравнила пропавшего с моим сыном, и я невольно вздрогнула от испуга. Могла бы сравнить со своим младшим сыном – они ровесники. Но ни одна мать не позволит себе такого – сравнить исчезнувшего или погибшего ребенка с собственным. – Он заканчивает десятый класс, – добавила Нина, – хороший мальчик, вежливый, воспитанный. Всегда прекрасно учился. Иногда заходил к нам в гости. Такое горе для родителей!

– Ты его хорошо знаешь? Твой младший сын с ним дружит?

– Мы иногда общаемся как соседи, – уклончиво ответила Нина, – но сын Медеи учится в другой школе и не дружит с моим Ромой. У них так, шапочное знакомство. Я до сих пор не могу в себя прийти. И что могло произойти?

– Может, его похитили?

– Тогда почему молчат?

– Иногда похитители специально молчат несколько дней, чтобы вызвать панику в семье похищенного. Такие случаи бывали. Они богатые люди?

– Нормально живут. Я не сказала бы, что они могут выложить миллионы. Этого у них нет. Они много работают за границей, но особых доходов не имеют. Просто нормально живут. Как и мы, – добавила Нина.

– Ты считаешь, что в Москве все живут в шестикомнатных квартирах на Смоленском бульваре, платят за сына в Лондоне, имеют три автомобиля и двух водителей? – улыбнулась я наивности моей кузины. – Не смей меня, Нина, вы принадлежите к классу очень обеспеченных людей.

– Какие глупости! – отмахнулась она. – Люди сейчас на своих самолетах летают и на собственных яхтах отдыхают. А у нас есть только эта квартира, дача, несколько машин. По нынешним временам это не бог весть какое богатство. Ну еще участок под Санкт-Петербургом, но там мы пока ничего не построили.

– Теперь я поняла. Ты сравниваешь себя с Абрамовичем. Тогда, конечно, вы почти бомжи.

– При чем тут Абрамович? – возмутилась Нина, немного краснея. Совесть у нее все-таки есть. – У заместителя мужа дача на Рублевке. Можешь себе представить? А у директора другого института, смежного с нашим, квартиры в Цюрихе и в Париже. Они занимаются разработкой одинаковых проблем с моим Павлом. Только у того многомиллионные счета в зарубежных банках да квартиры в Швейцарии и во Франции, а у моего ничего такого нет. И знаешь почему? Мой простофиля слишком честный человек. Он считает, что государственными секретами нельзя торговать. А тот директор института так не считает. В девяностые годы знаешь

что творилось? Во всех институтах только на аренде помещений делали огромные деньги. А Павел ни одной организации к себе в институт не пустил. Говорил, что у них «режимная организация». А вот его коллега из соседнего института, такого же «режимного», сдавал пустую площадь под разные склады. И на этом заработал несколько миллионов долларов. Всего не расскажешь. Я не жалею, просто не думаю, что их мальчика похитили. Нет у них таких миллионов, чтобы за него заплатить. И никогда не было.

– В милицию сообщили?

– Конечно. Еще вчера утром. Но ты же знаешь, как они работают. Приехали, поговорили, посмотрели. Взяли номер его мобильного. И все. Ничего не известно. Только сегодня утром позвонили и сообщили, что в моргах и в больницах такого мальчика не нашли. Можешь себе представить, как тяжело это слышать его матери? У нее вчера сердечный приступ был, «скорую помощь» вызывали.

– Ну это мне нетрудно себе представить. А его телефон? Даже если аппарат отключен, все равно можно выяснить, где он сейчас находится. Я это точно знаю.

– Вот и расскажи им об этом, – сразу предложила Нина. – Мужа Медеи сейчас дома нет. Он поехал в милицию, они его туда вызвали. А Медея в милицию не верит. Она позвонила мне и попросила найти тебя. Я ей столько про тебя всякого рассказывала! И как ты в Ницце помогла раскрыть целую банду убийц, и как другим людям не раз помогала. Она думает, что только ты ей сможешь помочь. Ты же у нас настоящий сыщик. Как ее звали? Агата Кристи?

– Она была писателем, а не сыщиком, – вздохнула я, понимая, зачем меня позвали. Каким сомнением нужно обладать, чтобы ввязаться в такую историю. Мальчику шестнадцать лет, у него может быть масса разных интересов и множество знакомых. Это дело милиции – искать пропавшего парня. Чем я могу помочь его родителям? Ничем. Но отказывать Нине я не хотела. Она так в меня верила! Да и ее соседку стало жалко. Я, конечно, тут же представила себя на ее месте. В такой ситуации будешь выискивать любую возможность, хвататься за любую соломинку. И конечно же легко поверить, что какая-то «гениальная дама», работающая в адвокатской конторе самого Розенталя, сможет найти твоего сына.

– Профессор Левчев сказал, что им понадобится помощь опытного адвоката, – продолжила Нина, – а ты у нас уже очень опытная.

– Не знаю, – ответила я, не скромничая. Просто такие случаи адвокаты не очень любят. Ведь приходится представлять не подозреваемого, для которого адвокаты ищут тысячу причин, смягчающих его вину, а пострадавшую сторону, и тогда адвокаты невольно выступают в роли вторых обвинителей, настаивая на более строгом наказании виновных. Но отказаться было нельзя, это выглядело бы не по-человечески, и я не хочу подводить Нину.

– Пойдем, – тяжело согласилась я с доводами сестры. Только лучше бы я ей тогда сразу отказала. И ничего не узнала бы ни об этом страшном деле, ни тех подробностей, которые мне стали известны. По-моему, это у Экклезиаста сказано, что «знание умножает скорбь». Вот я чем больше живу, тем больше в этом убеждаюсь. А фамилию того честного и недалекого прокурора я вспомнила. Казанник. Кажется, так его звали.

Глава 2

В соседний подъезд мы прошли вдвоем. Нина забыла номер кода их входной двери и долго неправильно набирала цифры. Потом попросила у меня мобильный телефон, позвонила Медее, и выяснилось, что она неверно нажимала две первые цифры. Их следовало переставить местами. В этом вся Нина – забывает иногда элементарные вещи. Мы вошли в подъезд, поднялись лифтом на шестой этаж. Дверь нам открыла миловидная женщина лет двадцати пяти. Я даже удивилась. Неужели это Медея, так хорошо сохранившаяся в свои сорок шесть лет? Я ее совсем не помнила.

– Проходите, – предложила нам эта молодая женщина, кивнув в глубь квартиры.

– Это Эльвина, она им помогает, – шепнула мне Нина, – кажется, она молдаванка или гагаузка. В общем, из Кишинева. Работает у них полгода.

Мы вошли в просторную гостиную. Даже если не знать, что хозяева квартиры искусствоведы, сразу можно было определить, что здесь живут люди достаточно творческие. На стене висел подлинник Зверева, работы которого я хорошо знаю, и еще две картины неизвестных мне авторов. Комнату украшала антикварная мебель, по-моему, начала века, стулья с гнутыми ножками. На них не очень удобно сидеть, но выглядят они красиво. В углу стояла большая ваза, расписанная затейливыми узорами. Я видела такую где-то на выставке. Вообще-то стыдно признаться, что я такая debilка во всем, что касается искусства, хотя на выставки хожу регулярно и современной живописью очень даже интересуюсь.

На диване сидела женщина, которую я сразу вспомнила. Конечно, это была Медея. Вся в черном, на голове – черная повязка, что мне сразу не понравилось – как будто она заранее знает, что все кончится очень плохо. У Медеи было измученное лицо и мешки под глазами. Могу себе представить ее состояние! Мне вдруг стало очень неловко находиться перед ней. У женщины такое невероятное горе, а я приперлась, будто могу ей помочь. Некрасиво и неумно. Но отступать было поздно. Единственное, что меня сразу смутило – это собака, которая лежала рядом с хозяйкой. При моем появлении она поднялась и внимательно посмотрела на меня. Прямо в глаза. Но хозяйка махнула рукой, коротко приказав «лежать», и собака снова легла у ее ног. Эта порода мне знакома. Такие коричневые собаки с белой грудью и черной мордой, немного похожие на медведей гризли, – это стаффордширский терьер. Несколько лет назад среди продвинутых москвичей было очень модно их заводить. Но говорят, это исключительно опасная порода бойцовых собак, которые могут напасть на человека, не реагируя на команду своих хозяев. Знакомый кинолог, работающий в милиции, рассказал мне, как готовят бойцовых собак. Просто ужас. Сначала их тренируют на кошках, у которых вырваны когти, чтобы они не царапались. Учат душить кошек. Затем тренируют на поросятах, чтобы приучить к запаху крови и диким крикам. Считается, что кровь свиньи очень похожа на человеческую, а ее мясо почти эквивалент нашему. Можете себе представить, какой ужас?

Потом собак учат драться с другими собаками. Челюсти у них особенные. Эти собаки не знают пощады и дерутся, пока не убьют своего противника. Зачем в интеллигентной семье держать такую собаку? Этот вопрос я задала себе сразу, как только увидела этого терьера.

– Здравствуйте, – произнесла Медея, устало кивнув головой. Она не поднялась, но я понимала ее состояние. Сейчас ей не до политесов. У нее немного вытянутое лицо и красивые темные глаза. Я обратила внимание на ее пальцы – длинные аристократические пальцы, будто она музыкант, а не искусствовед.

Мы уселись на эти неудобные стулья с невысокими ножками. Нина меньше меня ростом, и ей эти стулья могут нравиться, а мне – не очень. И мы обе бессознательно отодвинулись от дивана, рядом с которым лежала собака.

– Это моя двоюродная сестра Ксения, о которой я тебе рассказывала, – представляет меня Нина, – вы виделись с ней у нас на даче.

– Я помню, – кивнула Медея, – извините, что так вас принимаю.

– Ничего. Я вас понимаю. Так вы еще не получили никаких известий?

– Ничего, – упавшим голосом ответила Медея. – Муж сейчас в милиции. Они просили его припомнить всех знакомых нашего Кости, забрали его записную книжку и жесткий диск из компьютера. Будут проверять все его связи. Как будто Костя заранее мог быть знаком со своими похитителями или бандитами. В милиции считают, что нужно проверить все окружение нашего сына. Такая глупость! Сейчас прямо на улицах людей воруют и убивают, а они ничего не могут сделать. Или не хотят. Один следователь, чтобы меня успокоить, даже сказал, что в России ежегодно пропадают несколько десятков тысяч человек. Будто мне от этого легче.

Эльвина внесла поднос с печеньем, шоколадом и тремя чашечками дымящегося кофе. Она была в джинсах и темной блузке. Из-за коротко остриженных волос ее можно было принять за подростка, хотя ей наверняка уже исполнилось двадцать пять. Или даже тридцать.

– Спасибо, Эльвина, – кивнула ей хозяйка, – и принесите мне лекарство. Оно на тумбочке, в спальне.

– Я знаю, – отозвалась Эльвина и остановилась, выразительно глядя на Медею, словно не решаясь ей что-то сказать.

– Что еще? – чуть повысила голос хозяйка и нахмурилась. Ей, очевидно, не понравилось поведение домработницы.

– Простите, – проговорила та, – но это уже четвертая. Врач говорил – не больше двух-трех в день.

– Принесите лекарство, – тоном, не терпящим возражений, повторила Медея. – Мне лучше знать, что можно, что нельзя.

Эльвина вышла из комнаты. Я взяла чашечку, почти прозрачную, наверное фарфоровую, и подумала, что нам дома нужно завести такой же сервиз. Обязательно скажу Виктору, чтобы приобрел похожий. Господи, и о чем только не думают женщины! Даже в такие тяжелые моменты. Мы просто неисправимы! Есть, например, дамочки, которых вполне серьезно волнует, как они будут выглядеть в гробу. Меня это совсем не интересует, однако и я в сложной ситуации могу подумать о каких-нибудь пустяках.

Эльвина принесла лекарство и положила его на столик перед хозяйкой. Та кивком поблагодарила ее, достав таблетку, и запила ее глотком кофе. Даже я знаю, что так делать не следует. К тому же Медея достала сигареты и закурила, щелкнув какой-то небольшой, лежащей перед ней зажигалкой. Я никогда не курила, даже в студенческие годы, когда все мои подруги всюду дымили в знак своей эмансипации. Тогда это было безумно модно, но на меня сразу напал дикий кашель. После двух проб я поняла, что курение не для меня. Нина тоже никогда не курила. Она рожала детей и ухаживала за мужем, а это требует серьезных усилий. К тому же не курил и ее муж. Он вообще адепт здорового образа жизни, наверняка проживет сто лет. Интересно, что академики и писатели долго живут. С чего бы это? Ведь у них сидячий образ жизни. С другой стороны – долгожители и чабаны в горах, которые явно не сидят на месте. Может, все-таки все зависит оттого, что и те и другие просто работают, невзирая на возраст? Девяностолетние академики и писатели продолжают трудиться за столом, а девяностолетние чабаны и пастухи – пасти свои стада. Может, в этом секрет их долголетия?

– Спасибо, что вы пришли, – затянувшись сигаретой, проговорила Медея. – Я уже никому не верю. Может, вы предложите какие-нибудь новые формы поиска? Не знаю. Я даже думала обратиться к гадалке. Представляете, до чего дошла? Лишь бы мне вернули моего мальчика.

– Он ушел из дома и ничего не сказал?

– Разумеется, нет. Мы считали, что мальчик уже взрослый и отдает себе отчет в своих поступках. Сейчас у них каникулы, после третьей четверти, он постоянно встречался с товари-

щами. Я обзвонила всех его друзей, но никто ничего не знает. Мужу обещали дать распечатку всех его последних разговоров по мобильнику. Как раз сегодня телефонная компания должна передать ее в милицию. Может, тогда что-то выяснится?

– Обычно телефонные компании очень неохотно выдают такую информацию. Хорошо, что так оперативно...

– Нам помог знакомый генерал милиции. Он какой-то большой чин в министерстве. Генерал Стукалин, может, вы слышали о таком?

– Да, – ответила я, – он заместитель министра внутренних дел. Если вмешался лично генерал Стукалин, то милиция сделает все, чтобы найти вашего мальчика. Можете быть в этом уверены. Я о нем много слышала.

– Вот он и позвонил, – выдохнула Медея, – но пока Георгий мне ничего не сообщал.

– Когда ушел ваш сын? В какое время суток?

– Днем. В три или в четыре. Никого дома не было. Мы с мужем были на работе, а Эльвина пошла в магазин. Костя ушел и запер двери своим ключом. Я думаю, если его похитили из-за ключей, то воры должны уже были бы попытаться здесь появиться. Может, нам надо уйти из дома, а здесь оставить засаду милиции? Я не знаю, как лучше поступить. И никто нам ничего не советует.

Медея вдавила докуренную сигарету в пепельницу. Я увидела, что ее пачка почти пустая. Она явно много курила. Собака недовольно взглянула на хозяйку. Мне кажется, терьеру тоже не нравился запах дыма.

– У него есть какие-то увлечения? Хобби?

– Как у всех ребят. Часами просиживал за компьютером, пропадая в Интернете. Любил машины. Отец обещал ему подарить свою машину, когда ему исполнится восемнадцать. Или купить новую.

– Какая у вас машина?

– «Мерседес». Трехсотый. Костя иногда брал его покататься рядом с дачей. Но в город никогда не выезжал, мы ему не разрешали.

– Может, у него есть какой-то друг с машиной и они вместе куда-нибудь уехали? – предположила я.

– Мы тоже так подумали. Обзвонили все больницы без исключения. За городом нашли одну больницу, в которую попали трое ребят. Но им по двадцать лет, и среди них нашего не было. Личности всех установлены, они сейчас в реанимационном отделении. Я всех друзей Кости хорошо знаю. Самыми близкими его друзьями были Антон и Икрам. Нет, только послушайте, что я говорю! – в отчаянии вдруг спохватилась Медея. – Я сказала «были». Это ужасно, так нельзя. Я не должна так говорить. Они и сейчас его самые близкие друзья.

Медея дрожащими руками вытащила следующую сигарету и снова закурила. Мы с Ниной переглянулись. Здесь нужен психолог и, может быть, психиатр. Моя помощь здесь явно не понадобится. Собака, почувствовав настроение хозяйки, снова поднялась, словно готовая ее защитить.

– Лежать! – опять приказала ей Медея. – Вы знаете, наша собака чувствует отсутствие Кости. Она уже два дня сама не своя, волнуется, переживает, даже скулит. Обычно стаффордширские терьеры не скулят. А он переживает. Даже не знаю, что нам делать. Нужно отправить его на дачу.

– А собака осталась дома одна, когда Костя ушел?

– Да. Он позвонил Эльвине и сказал ей, что уходит. Она вернулась через десять или пятнадцать минут после их разговора. Собака уже тогда нервничала.

– Костя надел куртку? Или какую-то другую верхнюю одежду? В понедельник на улице было довольно прохладно.

– Да, надел. У него красивая темно-синяя куртка, отец привез из Мексики. Я думаю, второй такой здесь нет ни у кого. И часы у него были дорогие. Я привезла ему их из Флоренции. Они обошлись мне тогда в две тысячи долларов. Думаю, может, на него напали из-за этих часов или хотели снять куртку? Уже просто не знаю, что и подумать...

А я сразу подумала, что никогда в жизни не позволю моему Саше в его возрасте носить часы за две тысячи долларов. Может, я его неправильно воспитываю, но, по-моему, нельзя приучать мальчика к таким вещам, пока он не станет взрослым.

– У него есть девушка? – поинтересовалась я, вспомнив, что у моего Саши уже есть постоянная подруга.

– Костя дружит с двумя девочками, – чуть запнувшись, ответила Медея, – но современных парней трудно понять. С кем из них он встречается чаще, мы не знаем. Но работники милиции взяли телефоны всех его знакомых. Они их сейчас обзванивают.

– Они уже проверяли его комнату?

– Сегодня утром, – ответила Медея. – Взяли все его записи, вынули диск из компьютера.

– Можно мне посмотреть его комнату? – Должна же я была хотя бы как-то попытаться обозначить мою активность, раз уж согласилась сюда прийти.

– Конечно. – Медея позвала Эльвину, выкрикнув ее имя. Собака снова поднялась, уже в третий раз. Кончится это тем, решила я, что она на кого-то из нас набросится. Эльвина вошла в комнату и встала удвери. Очевидно, ее обидело замечание, сделанное хозяйкой при гостях. Это только у нас домработницы могут обижаться на хозяев. Рецидивы социализма. Все люди равны. На Западе таких проблем не возникает.

– Эльвина, – сказала Медея, не глядя на нее, – будьте любезны, покажите гостям комнату Константина. И не забудьте, что через полчаса вам нужно погулять с собакой. Приготовьте намордник.

– Хорошо, – кивнула Эльвина.

Мы поднялись и прошли в комнату сына. Большая светлая комната с балконом, находящаяся рядом с гостиной, прямо напротив входной двери. Книг заметно мало, что меня несколько поразило, все-таки интеллигентная семья. В основном книги по компьютерам. Несколько томов классики, но видно, что их не открывали. Учебники. Несколько современных романов, о которых все говорят. Я увидела книгу Мишеля Уэльбека. Неужели Костя читал Уэльбека? Подошла и взяла книгу. Нет, похоже, даже не касался. Очевидно, покупают книги родители и советуют сыну прочесть, а тот их даже не открывает. Говорят, дети сейчас не читают книг. Потому что все можно прочесть в Интернете. Однако я знаю много толковых ребят, которые читают книги запоем. Впрочем, и столько же детей из очень известных семей, которые книги в руки не берут. Может, все-таки все зависит от родителей? Не понимаю, у меня нет ответа на этот вопрос.

В комнате Кости висели постеры неизвестных мне рокеров: музыкантов и певцов. Женских лиц среди них не было. Сегодня продвинутые парни не украшают стены своих жилищ картинками с полуголыми девицами. Это осталось в прошлом. Тут стояли компьютер, принтер, сканер, в общем, все, как в тысячах других комнат подростков. Кровать в углу, рядом тумбочка, на которой открытая бутылка воды.

Эльвина наблюдала за нами, не входя в комнату. Она стояла на пороге, и мне не очень нравилось выражение ее лица. Она словно нетерпеливо ждала, когда мы наконец закончим этот дурацкий осмотр. Что мы можем найти после обыска, проведенного сотрудниками милиции? Какой-нибудь волос, по которому я вычислю убийцу? Или записку, случайно им оставленную? Так не бывает. Ни в жизни, ни даже в современном кино. Я подошла к столу. У Кости оказался небрежный почерк. Весь стол был завален его школьными тетрадами. Очевидно, сотрудники милиции уже изъяли все, что нужно было забрать. На столике стояла фотография Кости с родителями. Красивый, высокий парень. Такие обычно нравятся девушкам.

– Бедный мальчик, – вздохнула Нина, вытирая набежавшую слезу.

Я обернулась и случайно заметила в этот момент лицо Эльвины. Она нам совсем не сочувствовала. Более того, смотрела на нас с каким-то непонятным вызовом и явно ждала, когда мы уберемся. Почему она такая черствая? Или ей все равно, что происходит? Интересно, каково ее мнение о случившемся?

И тут раздался телефонный звонок.

Глава 3

Мы вышли в коридор, и Эльвина подняла трубку аппарата, которую затем сразу передала хозяйке, поскольку это звонил сам Георгий Левчев. Та долго расспрашивала мужа о разговоре в милиции, а мы терпеливо ждали, когда она закончит. Потом Эльвина принесла намордник, и хозяйка сама надела его на собаку. Судя по всему, терьеру эта процедура очень не нравилась, но он особенно не сопротивлялся, возможно, чувствуя ее состояние. Эльвина взяла поводок собаки с некоторой опаской. Может, тоже понимала, какое страшное животное живет в этом доме. Когда Эльвина с собакой вышли из дома, Медея достала следующую сигарету.

– Это звонил Георгий. Как и следовало ожидать, они пока ничего не нашли. Последними на мобильный телефон Кости звонили его друзья. И он сам звонил только знакомым. Сотрудники уголовного розыска будут с ними беседовать. А к нам домой дважды звонили из телефона-автомата, находящегося на станции метро «Арбатская». Кто звонил, они, конечно, не знают, но последний звонок был сделан за несколько минут до того, как Костя ушел. Вот и все, что смогла узнать наша доблестная милиция. Вы извините, Ксения, что мы вас побеспокоили, – над головой Медеи уже висел плотный сигаретный туман, – но у меня нет никакой надежды, что они сумеют найти Костю. Если вы сможете что-то сделать, я готова предпринять все необходимые шаги вам навстречу. Я не знаю, как это нужно оформить или зарегистрировать, но нам понадобится опытный юрист, чтобы представлять наши интересы. Муж просто не сможет бесконечно ездить в милицию. Каждый такой вызов отнимает у него часть жизни. Анашу родную милицию необходимо контролировать и подгонять. Если вы нам не откажете, то завтра утром Георгий приедет в вашу контору и подпишет необходимые документы.

«Розенталь меня убьет, – сразу поняла я, – он решит, что я отбиваю у него клиентов. Хотя Марк Борисович опытный адвокат и в конце концов поймет, что происходит. Пусть Левчев приезжает, этой несчастной семье действительно нужен опытный юрист. Хотя бы для того, чтобы разговаривать с сотрудниками милиции и прокуратуры. Между прочим, завтра будет уже три дня, как пропал мальчик, и прокуратура уже может возбудить уголовное дело по факту его исчезновения. А контроль прокуратуры всегда более строгий, чем просто расследование милиции. Хотя если вмешался сам Стукалин, то не придется и строго следить, чтобы сотрудники милиции нормально работали. И так будут землю рыть, чтобы выслужиться».

– Оставлю вам мою визитную карточку. – Я положила ее на столик рядом с диваном.

Она мне лишь кивнула в ответ. Бедная женщина, не дай бог никому такое пережить!

Мы попрощались и вышли из квартиры. Молча спустились по лестнице. Я шла первой, и Нина видела мою недовольную спину. Где-то на втором этаже она не выдержала:

– Ну что ты об этом думаешь? Почему ты молчишь?

– Ничего не думаю, – отозвалась я. – У людей большое несчастье, а ты меня так нехорошо подставляешь. Чем я смогу им помочь? Здесь нужен какой-нибудь старичок-адвокат, по совместительству психолог, чтобы успокаивать эту семью. У меня ничего не выйдет. Я могу сесть рядом с Медеей и разрыдаться. И конечно, я не могу помочь найти пропавшего мальчика. У меня нет таких чудодейственных способностей.

– Но ты же работаешь у Розенталя! – попыталась убедить меня Нина. Она тоже нервничала. Я не совсем понимала, почему она так близко приняла к сердцу трагедию семьи Левчевых. Решила, что нужно расспросить мою кузину обо всем поподробнее. Что-то она явно скрывала.

– Марк Борисович занимается экономическими преступлениями. – Я остановилась и повернулась к ней лицом. – Его клиенты в основном известные олигархи и члены их семей. Он разбирает арбитражные сделки, представляет в суде известные компании, занимается вопросами недобросовестных сделок. Розенталь принципиально не ведет дела о похищениях детей

или, не дай бог, их убийствах. И будет очень недоволен, что я согласилась представлять интересы семьи Левчевых. Если бы Левчев был олигархом с капиталом в миллиард долларов, Марк Борисович еще понял бы мои мотивы. Во всех остальных подобных случаях он рекомендует клиентам обращаться в юридическую консультацию.

– А мы так на тебя рассчитывали, – призналась Нина.

– Теперь придется соответствовать, – решила я, – уже никуда не денешься. Ты меня не провожай, моя машина за углом. Ясама до нее доберусь. Иди домой, уже поздно.

– Спасибо тебе большое. Ты сама видишь, в каком состоянии несчастная Медея. А у меня, кроме тебя, нет никаких знакомых в этой сфере. Архитекторов, ученых, художников, врачей, писателей, даже космонавтов сколько угодно. А серьезных юристов нет.

– Будем считать, что я одна заменяю двух космонавтов или трех академиков, – пошутила я. – В общем, пусть Левчев завтра к нам приезжает. Я постараюсь убедить Розенталя, что профессор очень известный искусствовед. И будет правильно, если мы возьмемся представлять его интересы.

– Он действительно очень известный, – удивилась Нина, – честное слово. Его книги изданы во многих странах, он консультант нескольких ведущих музеев...

– Мальчика не могли украсть из-за этого, – пояснила я и вдруг спросила: а не может ли Левчев быть связан с каким-нибудь хищением ценностей?

– Не может, – сразу отрезала Нина. – Эту версию милиция проверила в первую очередь. Мне сама Медея об этом сказала.

– Ну тогда все. До свидания. Завтра я тебе позвоню. Привет твоему мужу!

Я повернулась и пошла на улицу, где оставила свою машину. Было уже довольно поздно. Я уже подошла к автомобилю, когда вдруг увидела проходящую мимо Эльвину с собакой на коротком поводке. Очевидно, домработница просто боялась водить такую собаку на длинном поводке. И я прекрасно ее понимала. Со стаффордом вообще опасно гулять, даже когда на нем надет намордник. Он может сбить человека с ног, метнувшись на него всем телом. Это не животное, а настоящее оружие.

– Не тяжело? – спросила я у Эльвины.

– Тяжело, – пожаловалась она. – Собака что-то чувствует. И вообще она понимает, что я не ее хозяйка и не родственница членам семьи. Поэтому меня не любит. Раз два она приходила на кухню, когда я там работала, и молча стояла у меня за спиной. Честное слово, я от страха чуть не умерла, когда, поворачиваясь, встречалась с глазами этой твари.

Собака заворчала. Может, она нас лучше понимала, чем мы ее? Иногда мне кажется, что собаки чувствуют все оттенки нашего поведения, ведь реагируют они на меняющийся тембр голоса.

– Пойдемте немного пройдемся вместе, – предложила я Эльвине. И задала первый вопрос: – Вы давно работаете у Левчевых?

– Уже полгода. Но думаю, теперь меня выгонят.

– Почему выгонят?

– А я им вообще не нужна. У них есть кухарка. И прислуга. Кухарка приходит по четным дням, а прислуга пока работает на даче.

– Тогда для чего вас наняли?

Эльвина невесело усмехнулась. Собака бежала довольно быстро, мы с трудом поспевали за ней.

– Неужели непонятно? – спросила Эльвина. – Говорят, что раньше, до революции, в дворянских семьях специально нанимали привлекательных горничных, чтобы они способствовали сексуальному образованию их отпрысков.

– Что вы такое говорите? – Я даже остановилась от неожиданности. Эльвина сказала об этом так прямо, словно речь шла о постороннем человеке.

– Не волнуйтесь, – усмехнулась она, пытаясь остановить собаку. Но это ей не удалось – поводок дернулся снова. Эльвина поспешила за собакой, а я – за ней. – У нас не тот случай, – пояснила Эльвина, – мальчика не пришлось просвещать. Скорее, он мог бы меня просветить. Только его уже мало интересовали женщины. Последние несколько месяцев Костины интересы лежали в несколько иной плоскости.

– Я вас не понимаю.

– Неужели так трудно понять? Он подсел на наркотики. Начал колотиться. Еще шесть месяцев назад был нормальным мальчиком. Когда меня сюда взяли, я многого не понимала. Вы можете идти немного быстрее? Эта собака не любит, когда ее останавливают.

Мы и так почти бежали, но еще ускорили шаги.

– Когда меня пригласили, – продолжила Эльвина, – я совсем не могла сообразить, что происходит. Хозяева часто оставляли нас с Костей одних, а сами уезжали на дачу. Или, наоборот, разрешали мне ночевать на даче, когда там никого, кроме Кости, не было. Одним словом, создавали соответствующие условия. Я не сразу все поняла, но потом все же догадалась. Костя был талантливым, но несколько странным парнем.словно в душе у него произошел какой-то надлом. Я чувствовала, что у мальчика какие-то проблемы. Можете себе представить, однажды я была вместе с ним в сауне у них на даче. А он на меня совсем не реагировал. Меня такое отношение даже немного завело. Молодой парень, а на женщину совсем не реагирует. Но я видела, как он буквально на моих глазах менялся. А потом узнала, что Костя достает и принимает наркотики. Сначала это был порошок, а в последние несколько недель он перешел на уколы.

– Родители знали?

– Мать знала. Отец – нет. Медея вызывала врачей, пыталась как-то помочь сыну. Но все бесполезно. Костя в последнее время стал каким-то потухшим. Я бы так сказала. Именно потухшим. Будто с ним что-то произошло. Такой отрешенный...

– Где вы учились? – Мне показалось, что у моей собеседницы слишком богатый запас слов для обычной домработницы.

– Я закончила среднюю школу и педагогический вуз в Кишиневе. Но там не было работы. Я уже четыре года как в Москве.

– В милиции знают о Костиных «увлечениях»?

– Нет. Медея им об этом не рассказала. И с меня взяла слово, что я ничего не скажу.

– А почему сейчас рассказали?

– Мне сказали, что вы будете их адвокатом. А адвокат должен все знать. И насколько я помню, адвокат не имеет права никому ничего рассказывать о том, что ему стало известно про его клиента.

– А это вы откуда знаете?

– У меня отец был юристом. Он умер шесть лет назад.

– Понятно. Значит, вы думаете, что исчезновение Константина связано с его пагубным пристрастием к наркотикам?

– Да, давайте повернем назад. Это животное сегодня нервничает больше обычного. Помоему, собака понимает, о чем мы говорим.

– Наверное, понимает. Давайте вернемся, – согласилась я. Этот бег по улице мне совсем не нравился. Вообще, нужно законодательно запретить держать таких животных дома. Они опасны даже для самих хозяев. – У кого он брал наркотики?

– Этого я не знаю, – удивилась Эльвина. – Думаю, Медея знает гораздо больше. Поэтому она так переживает. Медея и меня начала из-за этого ненавидеть, я чувствую. Считает, что я не справилась со своей задачей. Она ведь взяла меня, рассчитывала, что я все время буду рядом с мальчиком. Что, возможно, Костя увлечется молодой женщиной и перестанет принимать наркотики. Когда я у них появилась, он тогда еще употреблял только порошок.

– Чтобы клин клином вышибить?

– Почти так. Хотя я не понимаю, почему она считала, что такое возможно.

– Иногда помогает, – заметила я. – Япомню один итальянский фильм с участием Софи Лорен. Там, чтобы отвлечь сына от наркотиков, мать решается его соблазнить и таким страшным способом спасти.

– Это только в кино, – возразила Эльвина, – в жизни так не бывает.

– Может, и не бывает, – согласилась я, – но когда сын начинает принимать наркотики, мать готова на все ради его спасения.

– У вас есть дети? – поинтересовалась Эльвина.

– Есть сын. Примерно такого же возраста, как Костя, правда, он не принимает наркотики. Я, во всяком случае пока, в этом уверена. Может, конечно, напрасно. Но уже курит. Это я знаю и никак не могу его отучить от вредной привычки.

Мы уже почти подбежали к их дому. Яподумала, как хорошо, что у нас нет собаки. С такими пробежками можно получить инфаркт. Или, не дай бог, собака кого-нибудь укусит и опытные юристы докажут, что хозяин за это должен нести полную ответственность. И между прочим, правильно сделают.

– Только не говорите Медее о том, что я вам рассказала, – попросила Эльвина. – Она и так сходит с ума. Думает, что Костя сделал укол и где-то упал. Поэтому она так уверена, что он жив и его можно найти. Сама звонит во все больницы и наркологические пункты...

– Такое возможно?

– Не знаю. В последний раз мальчику было очень плохо. Может, он действительно где-то потерял сознание и его отвезли в больницу? А может, впал в кому и не может сказать, кто он такой. Я не знаю, честное слово. Но в последние месяцы Костя был совсем плох.

– И отец ничего не замечал?

– Он все время в командировках, в разных поездках. Мать тоже сначала не все замечала, а потом догадалась. Но мужу не сказала. У него больное сердце, и ему уже за шестьдесят. У них поздний брак. Медее было двадцать шесть, а ему под сорок, когда они поженились. У него от первого брака есть сын, которому уже тридцать семь или тридцать восемь лет. Он врач, хирург. Из-за этого Медее постоянно комплексует.

– Почему?

– Ей кажется, что старший сын ее мужа от первого брака состоялся благодаря первой жене Левчева. Она была болгаркой, а их сын сейчас работает в Санкт-Петербурге. Медее все время сравнивала своего сына с этим мальчиком. Хотя какой он мальчик? По возрасту они с Медеей почти ровесники. Левчев первый раз женился, еще будучи студентом. А теперь у его сына-врача уже растут две девочки, его внучки.

– Вы много знаете.

– Я работаю в их доме уже шесть месяцев. Поэтому успела все узнать, – объяснила Эльвина.

– А девочка?

– Их старшая дочь? Она в Нью-Йорке, часто звонит матери. Учится на дизайнера. Судя по всему, у нее все в порядке. Медее говорит, что ее дочка очень целеустремленный и талантливый человек. Хотя Костя тоже был таким...

– Что значит был таким?

– А вы посмотрите его рисунки. Сейчас Медее их спрятала, чтобы не было лишних вопросов. Он великолепно рисовал. Ему нужно было бы поступать куда-нибудь в художественное училище или в Академию. Сказывались гены отца. Тот великолепно разбирается в живописи. Ему звонят из разных городов, приглашают на консультации. Костя мог бы стать гениальным художником.

– Вы все время говорите о нем в прошедшем времени. Не верите, что его найдут?

– Может, и найдут, – помрачнела Эльвина. – Только художником он уже не будет. В нем что-то сломалось. Боюсь, нормальным человеком он тоже не будет. Извините меня, этот пес должен идти домой. Кажется, сейчас он должен ужинать.

– До свидания, – сказала я Эльвине на прощание и поспешила к своей машине.

«Надо же, какие ужасы могут происходить в самой нормальной семье, – задумалась я, заводя автомобиль. – Сегодня же поговорю с Сашей. Пусть мне все расскажет. Все как есть. Я его мать и должна знать о нем абсолютно все. Никаких тайн от родителей. Тем более что его отец с нами не живет. И хотя Виктор Саше как отец, кто знает, что творится в душе подростка? Может, и у него происходит какой-то надлом, о котором я ничего не знаю? Нужно забыть обо всех делах и сегодня же вызвать сына на откровенный разговор. Все-таки гениально говорится в английской пословице, что у каждого свой скелет в шкафу. Действительно, в каждой семье свои страшные тайны, о которых никто посторонний не должен знать. Утром нужно будет убедить Марка Борисовича, что Левчев очень влиятельный человек. Розенталь любит таких деятелей науки и культуры. Он немного тщеславен, как и все известные адвокаты. Ведь каждый из них немного актер. Это особенно видно, когда они выступают на процессах. И как все актеры, адвокаты хотят аплодисментов. Их можно понять, у них тяжелая работа».

Глава 4

Я вернулась домой в десятом часу вечера, но Саши еще не было. Я позвонила ему на мобильный, однако сын не ответил. Оператор оповестил меня женским голосом, что аппарат находится вне зоны досягаемости. И в такой момент, когда у меня все нервы напряжены до предела! Виктор попытался меня успокоить, сказав, что Саша мог оказаться в метро. Я понимала, что, возможно, он прав, но все равно нервничала. Наконец где-то через полчаса все же дозвонилась до сына и узнала, что он действительно был в метро и теперь уже идет к дому. Но за это время мою голову уже посетили тысячи разных глупых мыслей. Поэтому, когда сын вошел в дверь, я бросилась к нему так, словно не видела его целую вечность, чем, по-моему, его удивила. Но я решила поговорить с сыном, не откладывая:

– Где ты был? Почему вернулся так поздно?

– С ребятами засиделись. – Саша не понимал, из-за чего я нервничаю. Ведь иногда он возвращался гораздо позже, а я так не волновалась.

– Где засиделся? Почему? Кто эти ребята? Что вы делали?

– Что с тобой? – удивился сын. – Почему такой нервный тон? Ты решила меня допросить именно сегодня? Кажется, у юристов это называется перекрестным допросом...

– Не говори глупостей. Перекрестный – это когда подследственного допрашивают два человека. И я тебя не допрашиваю, только спрашиваю: где ты был?

– Вместе с Семеном смотрели его новую программу на компьютере. Я же тебе говорил, что хочу поставить себе такую же. Очень классная.

– Это я помню. Ты мне только честно ответь: вы курите?

– Из-за этого ты так переживаешь? Семен не курит, у него аллергия на табак.

– А ты? Только отвечай мне честно. Смотри мне в глаза...

– Что с тобой сегодня, мать? Иногда я курю, но очень редко. Больше не буду, если ты так волнуешься.

– Врешь, – убежденно заявила я, – будешь. Если начал – бросить не сумеешь. Ибудешь мучиться всю свою жизнь: кашлять по ночам, ходить с желтыми зубами, от тебя будет плохо пахнуть. Это ты хоть понимаешь?

– Начался «час воспитательной работы»?

– Да. И не улыбайся. Я уже не говорю про болезни, которые бывают у курильщиков. Пожалел хотя бы свою мать. Между прочим, ни твой отец, ни Виктор не курят.

– С каких пор мой отец стал для тебя авторитетом? – удивился Саша. – Был бы он нормальным мужиком, никогда нас не бросил бы.

– Не смей так говорить про своего отца! Он, между прочим, каждый месяц присылает тебе тысячу долларов.

– Чтобы откупиться. А про меня вечно забывает. Ну хватит, мама, я уже понял, что курить вредно. Это написано на каждой пачке сигарет.

– И поэтому такие надписи на тебя не действуют?

Саша был прав. Его отец меньше всего думает о нем. Конечно, может, в этом и я виновата. Нужно будет позвонить этому мерзавцу и сказать, чтобы он больше уделял внимания своему сыну. У мальчика сейчас такой сложный период! Он, конечно, нуждается в отце, которого не может заменить ни Виктор, ни я. Ну почему такие элементарные вещи не понимают сами мужчины? Почему им нужно объяснять на пальцах, что если они разводятся со своими женами, то обязаны помнить о своих детях, как бы плохо ни относились к их мамам. Хотя бы ради самих себя, чтобы из их оставленных сыновей не вырастали моральные уроды. Я ведь неплохо знаю статистику, которая меня всегда ужасает. Большинство маньяков и психопатов выходят из неполных семей, в которых на мальчиков не было мужского влияния. И еще дуры-матери

внушают им ненависть к своим бывшим мужьям. Я моего первого мужа тоже совсем не уважаю, но при Саше всегда его хвалю и постоянно внушаю, что мы не сошлись характерами. Хотя сын, наверное, все давно знает. Долго притворяться невозможно. И с другой стороны, тоже понятно: если он был таким идеальным мужчиной, то почему мы развелись?

– Давай с тобой договоримся, – я решила, что лучше вести себя более рационально, – если ты бросаешь курить, я куплю тебе новый компьютер. Не новую программу, а новый компьютер. И кроме того, мы оформим тебе неограниченный доступ в Интернет. – Пусть лучше часами сидит за компьютером, чем курит или пропадает в дурных компаниях.

– Ты сегодня поразительно великодушна, – отозвался Саша. – С чего бы это?

– Вот захотела поговорить с тобой как со взрослым. А теперь еще ответь мне на один вопрос предельно честно. Только не лги, я сразу почувствую. Ты пробовал наркотики?

– Да, – сразу ответил он.

Господи, ответил даже не задумавшись! Вкакое же время мы живем?! Ему ведь нет еще и шестнадцати. Но я помнила, что обязана соблюдать педагогическую выдержку.

– И ты так спокойно говоришь мне об этом?

– Мама, ты спросила, и я тебе честно ответил. Раньше ты не спрашивала. В чем дело? Ты хочешь, чтобы я тебе соврал?

– Нет. Этого я не хочу. – Мне пришлось себе напомнить, что я должна держать себя в руках, как будто речь идет о том, завтракал он сегодня перед школой или нет. Срываться во время разговора с сыном – самое последнее дело. Он тут же замкнется и вообще перестанет отвечать на мои вопросы. Нужно сохранять доверительные отношения друг с другом. Вот если бы его чертов отец был рядом, он разговаривал бы с ним по-другому. А может, нет? Может, все же лучше, что именно я попыталась узнать, как это происходило?

– Значит, ты принимаешь наркотики. – Честное слово, у меня даже голос не дрогнул, когда я такое проговорила.

– Кто тебе сказал такую гадость? Конечно, не принимаю!..

– Ты сам только сейчас мне сообщил, что принимал наркотики.

– Я не сказал «принимаю». Ты спросила, пробовал ли я наркотики или нет. И я тебе ответил, что пробовал.

– Ты видишь в этом большую разницу?

– Конечно. Один раз все пробуют. Даже девчонки. Я закурил сигарету не с обычным табаком, а с «травкой». Мне ребята дали попробовать. У меня начала кружиться голова, а потом стало тошнить. Я отправился в туалет, и меня два раза вырвало. Хорошо, что никто об этом не узнал. Мне наркотик не понравился, я решил больше не пробовать. С тех пор и не пробовал. Вот уже целый год.

– Ты с ума сошел? Значит, ты попробовал эти проклятые наркотики еще год назад?! – Я с трудом не сорвалась на крик.

– Мама, ну какая разница? Самое главное, что мне не понравилось. И я с тех пор их не пробовал.

– Это правда? Или ты нарочно говоришь, чтобы меня успокоить?

– Я говорю тебе правду. Можно я пойду?

– Еще один вопрос. Ты знаешь соседей тети Нины? У них мальчик примерно твоего возраста, Костя Левчев?

– Нет, не знаю. Откуда мне знать ее соседей? Ты закончила свой допрос?

– Не нужно грубить матери. – Ну как мне еще с ним разговаривать? – Дай мне слово, что, если в следующий раз ты захочешь попробовать эти проклятые наркотики, ты мне скажешь. Только сразу. Обещаешь?

– Я не буду пробовать, – мрачно буркнул Саша. – И давай с этим покончим. Мне не нравятся эти наркотики ни в виде сигарет, ни в виде таблеток, ни в виде уколов. От них ребята балдеют и сходят с ума. А одна наша девочка даже в больницу попала с отравлением.

– У вас даже девочки принимают наркотики? – ахнула я. – Какой ужас!

– Ну ты совсем, мать, ничего не понимаешь. – Саша встал, чтобы уйти.

Я растерянно молчала. Может, нужно относиться к этому более спокойно? Сейчас такое сложное время. Эмансипация. Акселерация. Научно-технический прогресс. Какие еще гадости можно придумать, чтобы оправдать падение нравов? Сексуальная революция, Интернет, телевидение – в общем, виноваты все, кроме нас самих. По-моему, легче всего сваливать свою вину на обстоятельства. Но если у вас плохие дети, то в этом виноваты только вы. Лично вы сами, и никто другой. Понимаю, это жестко, может даже жестоко, но по-другому не получается. Все претензии нужно предъявлять к себе, а не к другим.

– Между прочим, я вспомнил, – вдруг повернулся ко мне Саша, – этот Костя Левчев дружит с Ромой, сыном тети Нины. Они все время ходили в одной компании. Так что вместо того чтобы мучить своего сына, ты могла бы узнать про Костю у своего двоюродного племянника.

– Нина сказала, что они почти незнакомы, – растерянно сообщила я, догадавшись наконец, почему так волновалась моя сестра. И почему она «оговорилась» насчет Саши, не вспомнив о своем сыне. Рома и сын Левчевых из одной компании, и пока не будет ясно, почему пропал Костя, Нина будет сходить с ума, тревожась за своего младшего сына.

– Ну да, «незнакомы»! – хмыкнул Саша. – Они дружат уже много лет. Ты спроси самого Рому, он тебе расскажет. Мать, а насчет нового компьютера ты просто так сказала или правда хочешь мне его купить?

– Что? – Я была так занята своими мыслями, что до меня не сразу дошел вопрос сына о компьютере.

– Насчет нового компьютера, – терпеливо повторил этот маленький вымогатель. – Мы же договорились: я бросаю курить, а ты покупаешь мне новый компьютер. Только давай сделаем так, чтобы я сам его выбрал.

– Это единственное, что ты вынес из нашего разговора? – всплеснула я руками. – И тебе не стыдно? Кто у нас в семье курит? Откуда у тебя эта гадкая привычка?

– Опять начался «час воспитания», – поморщился Саша. – Так ты купишь или нет?

– Куплю, конечно! – заорала я на него. – Но учти, что с этого дня я буду проверять твои карманы. Лично. И никаких обид. Если найду сигареты, выброшу твой компьютер. Прямо с балкона. Вместе с твоими навороченными программами.

– Хорошо, – кивнул Саша, – честно говоря, я уже два месяца совсем не курю. Как-то глупо губить собственное здоровье. Оно мне еще понадобится.

Вот все они теперь такие – рациональные и прагматичные.

– Саша, – крикнула я ему вслед, – подожди секунду! В наш контракт входит и обеспечение твоего компьютера любыми новыми программами по выбору. Можешь выбирать самые дорогие и лицензионные. Я все оплачу.

– Ну ты, мать, сегодня расщедрилась! – Он подмигнул мне. – А Роме позвони. Пусть не врет, что не знает Костю. А ужин у нас есть?

– На кухне. – Я облегченно вздохнула. Если вы когда-нибудь услышите от вашего ребенка, что он бросил курить и ему вообще не нравится эта гадость, то только тогда сможете понять, что я чувствовала в этот момент. Я была готова подарить Саше даже не компьютер, а автомобиль. Счастье-то какое! И зачем Колумб открыл Америку? Жил бы себе спокойно в Европе. Это после открытия Америки в Европе появились табак и сифилис. Не думаю, что это главные итоги открытия нового континента, но становится как-то неуютно, когда вспоминаешь, что Великие географические открытия приводили и к таким печальным последствиям.

Насчет сифилиса, между прочим, тоже нужно с Сашей поговорить. Мне самой, наверное, неудобно. Нужно будет попросить Виктора. Или моего первого мужа. Мальчику уже много лет, и он довольно часто запирается в ванной, полагая, что мы ничего не замечаем. Мы тактично молчим, благо у нас в квартире две ваннные комнаты, но Саше нужно объяснить, что порядочные мужчины обязаны предохраняться. Во-первых, чтобы не навредить своей партнерше нежелательной беременностью, а во-вторых, чтобы не подцепить какую-нибудь гадость. Но как матери сказать об этом мальчику-подростку? Лучше, если на эту тему с ним поговорит отец. И вообще, я слышала, что нормальный отец сам берет на себя сексуальное просвещение своего сына. Даже Левчевы нашли красивую молодую женщину, чтобы отвлечь сына от его возрастных проблем.

Я вспомнила, как об этом писал мой любимый Андрон Кончаловский. Когда его отец, Сергей Михалков, узнал, что Андрон часто запирается в ванной, он организовал своему мальчику встречу с какой-то дамой, которая занялась «сексуальным просвещением» подростка. В результате Кончаловский уже в юном возрасте узнал все тайны этой стороны жизни. И стал абсолютным циником. Как будто отец отнял у него веру в Бога. И веру в любовь, романтические отношения. Может, поэтому Андрон всю жизнь так цинично относится к женщинам? Бросает их с детьми, отказывается от них, легко идет на разрыв... Даже опубликовал две книги, открыто, в подробностях все рассказав о женщинах, с которыми он встречался. Но мне все равно Андрон нравится и будет нравиться всегда, хотя от его цинизма я тогда просто содрогнулась. Может быть, женщин в какой-то мере привлекает именно это его отталкивающее качество? Абсолютное равнодушие к ним, вообще к чужой судьбе...

Просто не знаю, что делать с Сашей. Если поговорить с его отцом, тот с удовольствием найдет сыну подходящую проститутку, чтобы его «просветить». И испортит мальчика на всю жизнь. Попросить Виктора? Этот начнет читать Саше нравоучения, которые подросток всерьез не воспримет. Так тоже нельзя. Поговорить с ним самой? Объяснить ему, что есть презервативы? Какая глупость! Он об этом сам давно знает. Что я могу ему сказать? Чтобы был осторожен? Что частая смена половых партнеров недопустима? Как можно говорить такую чушь шестнадцатилетнему подростку, когда в нем бушуют дикие страсти? Я просто не понимала, как мне себя вести. А как правильно «просвещать» девочек? Что им советовать? Ни с кем не встречаться? Оставаться девственницами до свадьбы, иначе это может привести к непоправимым последствиям? По-моему, это тоже дикость. В общем, не знаю, что советовать – ни мальчикам, ни девочкам. Каждый сам должен выбирать свой путь. А родители только тактично подсказывать, направляя детей. Но как направлять Сашу, который уже меня перерос?

Я поднялась и прошла в спальню с намерением лечь, успокоиться, а потом позвонить Нине и поинтересоваться, где сейчас Роман. Как же она меня подставила! И при этом не сказала, что прежде всего ее волнует судьба собственного сына, который водил дружбу с Костей. Хотя, наверное, не был его самым близким другом. Ведь Медея назвала других ребят. Если бы Роман был в числе самых близких приятелей Кости, она назвала бы и его. В таком состоянии Медея не подумала бы о Нине. А может, они договорились ничего мне не сообщать? Ведь Медея утаила от сотрудников милиции, что ее сын законченный наркоман. Но мне было страшно об этом даже подумать. Какой ужас! Бедная женщина! Мало того что ее мальчик пропал, так, оказывается, в последние месяцы он еще и пристрастился к этой заразе. Может, его убили из-за долгов? Нет, непохоже. В их квартире столько дорогих вещей, он наверняка достал бы деньги. А если продавал вещи из дома и мать об этом тоже знает? Сколько у них еще секретов, о которых мне неизвестно? И стоит ли мне о них узнавать и вообще браться за это дело? Я не знала ответов на все вопросы.

Растянувшись на кровати, я решительно протянула руку к телефону, набрала номер Нины. Было уже довольно поздно, но я должна была все узнать до утра. Когда профессор Левчев явится в нашу контору и заключит с Розенталем договор на юридическое обслуживание,

я уже не смогу отказаться. И мне еще предстоит убедить Марка Борисовича, что нам стоит заключать договор с этим известным искусствоведом.

Повезло – мне ответила сама Нина. Если бы трубку телефона снял ее муж, я не стала бы разговаривать. Уже слишком поздно.

– Добрый вечер, Нина, – продемонстрировала я правила хорошего тона. – Вот решила поболтать с тобой еще раз, прежде чем заключать завтра договор с твоими соседями.

– Очень хорошо, – отозвалась она немного упавшим голосом. Кажется, Нина догадалась, чем был вызван мой неожиданный поздний звонок. – Я недавно еще раз говорила с Медеей.

– А я встретила во дворе Эльвину с их собакой. Мы мило побеседовали.

– У них, кажется, не складываются отношения, – сообщила Нина, – Медея недовольна ее работой. Она думала, что Эльвина сумеет заменить Таню, которая теперь работает у них на даче, но они не сошлись характерами.

– Может, Медея хотела сделать Эльвину нянькой при их взрослом оболтусе? – не выдержала я. – И специально наняла молодую красивую женщину, чтобы занять мальчика?

– О чем ты говоришь? – испуганно пробормотала Нина. – Это Эльвина рассказала тебе такие гадости? Ничего подобного! Медея очень пунктуальная и требовательная, а Эльвина бывает не совсем обязательной. Вот и вся суть их конфликта.

– Насчет Эльвины, может быть, ты права. – Я не хотела подставлять молодую домработницу, открывшую мне правду. Ведь Нина непременно расскажет Медее о нашем разговоре. – Может, у них действительно несовпадение характеров, хотя мне показалось, что Эльвина добросовестная девушка. И аккуратная...

– Она провинциалка, – заявила Нина. – Приехала из Молдавии. И конечно, с трудом вписывается в столичную жизнь.

Мне хотелось возразить. Рассказать об ее отце юристе, о высшем образовании самой девушки и ее лексиконе. Но зачем портить жизнь Эльвине и пугать Нину? В конце концов, я позвонила не для этого.

– Возможно, все так, – согласилась я. – Зато Медея у нас типичный образец столичной богемы.

Эти слова Нина обязательно передаст своей соседке. Как писал Юлиан Семенов? Запоминается последняя фраза. Но мне пришлось продолжить, чтобы отвести все подозрения от домработницы.

– Я говорила с Сашей, и он мне сообщил, что Костя в последнее время немного изменился. А ты мне ничего об этом не сказала.

– О чем ты? – Уже по тому, как Нина спросила, я догадалась, что она все поняла.

– О «болезни» Кости. Ты ведь знала, чем он увлекся?

– Только не говори на эту тему с Медеей. Несчастливая мать и так вся извелась.

– Раньше нужно было думать, когда он только начал принимать эту гадость.

– Кто мог подумать, что все сложится именно так? Родители Кости часто уезжали, оставляли его с домработницами. И вот получили такой результат. У Левчевых чудесная дочь – и такая трагедия с сыном...

– Нужно было с мальчиком вовремя заниматься, – жестко выговорила я моей кузине. – А мне, разумеется, сообщить в первых строках, чем увлекся этот мальчик из хорошей семьи.

– Это такая трагедия! – запричитала Нина.

– И еще, – быстро перебила я мою двоюродную сестру, – тебе следовало честно мне сказать, что твой Роман хорошо знает Костю и довольно тесно с ним общался. Почему ты сказала, что они лишь «шапочно знакомы»? Я твои слова точно запомнила. Ведь на самом деле они дружили?

– Это неправда! – почти выкрикнула Нина. – У моего Ромы не было ничего общего с этой компанией. Неправда.

– Ты так нервничаешь, что мне сразу слышно – говоришь неправду. Так они дружили?

– Они только знакомые. Как соседи. У них не было ничего общего. И не нужно впутывать моего Рому в эту историю. Я поэтому и попросила тебя быть их адвокатом, чтобы ты могла оградить нашу семью от ненужных вопросов.

– И поэтому скрывает от меня правду?

– Какую правду? – Я чувствовала, как Нина буквально задыхалась от волнения. – Я тебе сказала, что они знакомы. Иногда Костя к нам заходил. И Роман иногда бывал у него. Ничего в этом особенного нет. В их возрасте все ребята обычно дружат. Тем более мы соседи. Но они учатся в разных школах, и мой Рома не имеет никакого отношения к этой неприятной истории.

– И все-таки ты могла бы мне честно сказать, что они знакомы.

– Я и сказала. Но не близко знакомы. При чем тут мой мальчик?

– Нина, – я поняла, что ее трудно переубедить, – ты ведь сама понимаешь, какая у твоей соседки трагедия. Исчез сын. И не просто исчез. Как я случайно узнала, в последние месяцы он крепко подсел на наркотики. Это очень страшно. Но любая информация может помочь его найти. Давай мы с тобой сразу договоримся. Если завтра профессор Левчев придет к нам в офис, я ему откажу. И соглашусь только в том случае, если ты позволишь мне поговорить с твоим Романом, а он честно ответит на все мои вопросы. Если ты мне пообещаешь, что не будешь мешать нашему разговору, я попрошу завтра Марка Борисовича заключить этот договор с Левчевым. В ином случае – откажусь.

– Зачем ты так говоришь? – В голосе Нины звучала обида. Я знаю мою сестру. Если на нее немного надавить, она легко пойдет навстречу. – Конечно, ты можешь поговорить с Романом и расспросить его о чем хочешь. Но не нужно впутывать сюда милицию. Рома собирается поступать на юридический. Если там окажется какая-то неприятная история, ему просто испортят биографию. Ты меня понимаешь? Сама его спрашивай о чем хочешь, но никому о вашем разговоре не рассказывай.

– Ладно, – в конце концов, каждая мать думает только о своем ребенке. И по большому счету она права. – Только ничего больше от меня не скрывай. Договорились?

– Спасибо тебе, – вдруг заплакала Нина, – ты просто наша палочка-выручалочка.

Напрасно она заплакала. Теперь я окончательно убедилась, что Нина скрывает от меня какую-то важную информацию. Может, самую важную. Решив завтра же поговорить с Романом, я попрощалась с Ниной и положила трубку. Завтра профессор Левчев придет к нам. Откуда мне было знать, что начиная со следующего дня события начнут развиваться совсем не так, как я предполагала? И что будущая трагедия созрела уже сегодня? Нет, не так. Она созрела еще вчера, а сегодняшний день – это только прелюдия к трагедии.

Глава 5

Профессор Левчев появился в нашем офисе ровно в одиннадцать часов утра. До этого я уже успела обработать Марка Борисовича, рассказав ему о выдающихся заслугах знаменитого искусствоведа. К моему удивлению, все прошло достаточно гладко. Розенталь имеет кучу знакомых. И среди них немало людей из мира искусства, в котором, как известно, преуспевают представители еврейской национальности. Впрочем, скажите мне, в каких областях они не преуспевают? Если врачи – то самые лучшие. Если адвокаты – то самые пробивные. Если музыканты – то самые талантливые. Если поэты... Между прочим, Пастернак, Мандельштам и Бродский – мои самые любимые поэты. Честное слово, когда я над этим задумываюсь, мне кажется, что евреи владеют очень важным секретом – они знают, как делать из детей гениев или хотя бы талантливых людей. Не понимаю, почему другие народы у них не научатся? Вместо этого евреев уже столько тысяч лет убивают, презирают, обижают. По-моему, это от чувства собственной неполноценности. Ведь все видят, что евреи действительно умеют выживать и умеют воспитывать своих детей. Не скажу, что это богоизбранность, но все-таки что-то божественное в этом есть.

Наш Марк Борисович – выдающийся адвокат. А остальные? Могу на выбор назвать еще несколько десятков человек, которых знает вся Москва, например, среди финансистов или олигархов. Но сколько в нашей стране представителей этой нации в процентном отношении? Вот в этом и дело. А они очень правильно растят своих детей. Только как именно – никому не говорят. Но внуки Марка Борисовича никогда не станут наркоманами или алкоголиками. Может, потому, что его дочь, их мама, занимается своими мальчиками с утра до ночи и с ночи до утра? Ее мальчики учатся в музыкальной школе, владеют английским и французским, успели посетить все самые интересные музеи Европы. А ведь одному из них только десять, а другому двенадцать лет. Конечно, среди евреев тоже встречаются и дураки, и уроды. Но почему так много талантливых людей и почти нет неудачников? Может, потому, что все они всегда друг друга поддерживают? Или потому, что знают: в этом мире они должны овладеть своими профессиями лучше других, лучше всех?

Не обращайтесь внимания на мои дурацкие дилетантские рассуждения. Но вспомните о них, когда ваш ребенок пойдет в школу. Там наверняка окажется хотя бы один еврейский мальчик, который никогда не будет драться, сквернословить, пропускать занятия, бездельничать. Он будет читать, заниматься, серьезно относиться ко всем предметам и в результате станет самым лучшим. Еврей-двоечник – это нонсенс. Хотя попадают и такие. Может, им религия помогает? Или опыт выживания? Не знаю. Только нам всем нужно бы у них поучиться. Вот такая я «жуткая антисемитка». Я им ужасно завидую и хочу, чтобы мой Саша был таким, как внуки Розенталя.

Марк Борисович позвонил академику, при имени которого у меня все похолодело внутри. Это один из самых известных людей в нашей стране. Академик – друг семьи моего босса. Он вежливо выслушал Розенталя и сообщил, что профессор Левчев выдающийся специалист и один из всемирно признанных искусствоведов. Вот так. Это тоже чисто еврейская черта. В худшем случае они просто промолчат. В лучшем – говорят о других самые приятные вещи. И никогда не будут распространять гадости про своих коллег. Розенталь положил трубку и объявил мне, что я могу самостоятельно поработать с профессором.

Как я говорила, Левчев появился ровно в одиннадцать утра. Подтянутый, сухопарый человек, чем-то похожий на моего любимого Андрона Кончаловского. Я вспомнила, что он понравился мне еще тогда, когда я увидела его на даче. Сухая, словно пергаментная кожа, очки в дорогой оправе, коротко подстриженные волосы. Очень модные пиджак, рубашка и шейный платок. Левчев скорее похож на итальянского продюсера, чем на ученого. Но я заметила, что

он волновался. Профессор тоже вспомнил, что мы с ним беседовали на даче у Нины. Я еще тогда отметила, что у него приятный голос. Левчев любезно сообщил мне, что я произвела хорошее впечатление на его супругу. Я не стала говорить в ответ, какое впечатление произвели на меня его супруга и их домработница, а заодно и страшная собака. Когда мы уладили необходимые формальности, я пригласила профессора в мой небольшой кабинет. Да, к тридцати девяти годам у меня появился свой кабинет в офисе Марка Розенталя. Если вы не понимаете, о чем я говорю, то представьте, что вы литератор. Букеровскую премию вы уже получили. На очереди Гонкуровская и Нобелевская. Гонкуровская – это когда меня переведут в огромный кабинет, где сидит заместитель Розенталя, а Нобелевская – это когда я заменю самого Марка Борисовича. Но до этого еще далеко и моя «букеровская» меня вполне устраивает.

Левчев вошел в мой кабинет, и я почувствовала запах его парфюма. Этот аромат мне известен. Новый запах «Армани код» для мужчин. Виктор подарил мне «Армани код» для женщин, и я специально отправилась в магазин, чтобы прочувствовать запах мужского аромата. И купила такой флакон Виктору. Но он его еще не открывал. У моего клиента были печальные и внимательные глаза. Хорошо, что я была одета по всей форме. На мне в тот день был очень неплохой деловой костюм фисташкового цвета от Баленсиаги, а под пиджаком – белоснежная блузка. В общем выглядела я очень даже неплохо. И волосы тоже были хорошо уложены. Я улынулась моему новому знакомому, хотя отлично понимала, что в его состоянии мои улыбки ему нужны меньше всего.

– Я вчера был в милиции, – сообщил мне Левчев. – Дело ведет майор Сердюков. Но вчера вечером он сообщил мне, что наше дело решено передать в прокуратуру. Сегодня они должны мне перезвонить.

– Понимаю. Обычно подобные поиски ведет милиция. Но преступлениями против личности занимаются сотрудники прокуратуры. Может, они решили, что так будет надежнее, хотя мне еще неизвестно, какие у них для этого основания. – Я старалась быть внимательной и участливой одновременно. У меня очень хороший муж и нормальная семья, но если бы я встретила такого профессора где-нибудь в другом месте, то могла бы и не устоять перед его обаянием. У него такие длинные и красивые пальцы, такое породистое, скуластое лицо! И синие глаза. Никогда в жизни не подумала бы, что могу запасть на человека, годящегося мне в отцы. Ему за шестьдесят, мне – тридцать девять. Столько же, сколько его сыну. Или я на год старше? Впрочем, полное падение нравов. Хотя не скажите. Мой обожаемый Кончаловский женат на молодой женщине, которая годится ему во внучки. Есть такие старички, которые, как хорошее вино, с годами становятся только лучше. Посмотрите на Шона Коннери. В молодости это был смазливый Джеймс Бонд, очень красивый и не очень глубокий. Ав старости стал настоящим джентльменом с понимающими умными глазами и скрытой лукавой улыбкой. Я уже не говорю, что он просто красивый мужчина.

– Как вы считаете, исходя из вашего опыта, мы еще сможем найти нашего Константина? – спросил профессор.

Я промолчала. Врать не хотелось, говорить правду – не могла. Мое замешательство Левчев понял правильно. Об этом мне сказала дрожь, пробежавшая по левой стороне его лица. Господи, как же я хорошо его понимала! Если бы пропал мой Саша, я, наверное, орала бы от ужаса и горя, а он молодец, еще держится.

– Ваше молчание тоже ответ, – сказал профессор.

– Нет, – сразу возражаю я, – нет, вы меня неправильно поняли. Я ваш адвокат и должна говорить вам правду. Я задумалась над обстоятельствами дела. Мы ведь пока ничего не знаем. Мне даже неизвестно, какими сведениями располагает милиция или прокуратура.

– Никакими, – печально ответил Левчев. – Мальчик ушел из дома и пропал. Никто и нигде его не видел. Как будто провалился сквозь землю. Или его похитили инопланетяне. Сейчас есть такая теория, что иногда людей похищают инопланетяне. Чушь очевидная, но появи-

лась масса безумцев, которые на полном серьезе утверждают, что во всех подобных случаях неожиданного исчезновения людей виноваты пришельцы из космоса. Хорошо еще, что Медея не верит в такие глупости.

Конечно, не верит. Она, в отличие от мужа, точно знает, каким именно был ее мальчик. И понимает, что он не мог просто так исчезнуть. Возможно, ему действительно плохо и он переживает очередную ломку где-то на квартире своих друзей. Или попал в больницу под вымышленным именем, чтобы не позорить отца. Поэтому Медея сама проверяет все больницы. Ее можно понять, ей даже можно посочувствовать.

– Сегодня поеду к этому Сердюкову, – сообщила я Левчеву, – узнаю, что им известно. У вас есть какие-нибудь пожелания или предположения? Вы понимаете, что я не смогу сама искать мальчика, но буду представлять ваши интересы во всех инстанциях, чтобы вы не беспокоились.

– Я согласен забросить все и бегать сколько нужно, – вздохнул профессор, – лишь бы найти Константина.

Он все время называл сына полным именем. Не думаю, что у мальчика с отцом были очень близкие отношения. Такие люди, как Левчев, бывают заняты своим делом и очень неохотно впускают в свой мир даже самых близких людей. А Медея рядом с ним именно потому, что она его коллега. Во всяком случае, мне так показалось.

– Может быть, им еще раз опросить ребят, которые дружили с нашим сыном? – нерешительно предложил Левчев. – Я думаю, что у них должны быть какие-то общие интересы или общие знакомые. Хотя все ребята говорят, что не знают, куда исчез Константин.

– У него было много друзей?

– Как обычно. Были близкие друзья, были просто знакомые. К сожалению, я знал не всех. Сейчас понимаю, что вел себя неправильно. Нужно было заниматься делами сына более предметно. Дело в том, что у меня уже есть старший сын от первого брака. Он врач, хирург, живет в Санкт-Петербурге. Когда он родился, я был совсем молодым человеком. Его в основном воспитывала мать, моя первая жена. Я все время пропадал в командировках и экспедициях. Очевидно, это и стало причиной нашего развода. И я по инерции продолжал вести себя подобным образом. Когда родилась наша с Медеей дочь, жена ушла в отпуск и занялась ее воспитанием. А когда родился Костя, нам было уже много лет. И мы решили, что сумеем его вырастить, не уделяя ему должного внимания. Сейчас понимаю, что мы ошибались. Его воспитанием занималась в основном мать Медеи, а бабушки всегда бывают слишком снисходительными. Это наша ошибка. Моя и Медеи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.